

УДК 81.273.2 + 811.161.1 + 882-93 Островский

**ПАРЕМИЙНЫЕ БИБЛИОНИМЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО:
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДРАМАТУРГА**

Ключевые слова: *библионим, драматургия, А.Н. Островский, паремия, пословица, поговорка, фразеологизмы.*

В статье рассмотрены названия пьес А.Н. Островского, образованные от пословиц, поговорок и фразеологизмов. Анализируется особенность языка драматургического текста, его отличие от прозаического нарратива. Анализ библионимов осуществляется с учётом лингвокультурных особенностей положенных в их основу паремий.

V.I. Suprun
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**PARAEMIA BIBLIONYMS OF A. N. OSTROVSKY:
TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE PLAYWRIGHT**

Key words: *biblionym, dramaturgy, A.N. Ostrovsky, paraemia, proverb, phraseological units.*

The article considers the names of A.N. Ostrovsky's plays, formed from proverbs and phraseological units. The article analyzes the peculiarity of the language of the dramatic text, its difference from the prose narrative. The analysis of biblionyms is carried out taking into account the linguistic and cultural features of the paraemias underlying them.

А.Н. Островский своими произведениями революционно изменил русский национальный театр. Героями его пьес стали простые русские люди: купцы, приказчики, стряпчие, трактирщики, свахи, лакеи, горничные и др. Со сцены прозвучал народный язык. Герои использовали просторечные и диалектные слова, народные фразеологизмы и паремии, формулы русского народного речевого этикета, другие единицы с богатым лингвокультурным содержанием.

Интерес к русскому купечеству, к простому народу возник у А.Н. Островского и потому, что сам он проживал в Замоскворечье среди этих людей, хорошо знал особенности их жизни, и после прослушивания в Московском университете лекций профессора Михаила Петровича Погодина (1800–1875), который высоко оценивал роль московского купечества, утверждая, что оно «служит верно отечеству своими трудами, и приносит на алтарь его непрерывные жертвы» [10, 344].

Буквально с первой пьесы А.Н. Островского в литературных и театральных кругах начинается острая полемика о его творчестве. А.Ф. Писемский, прочитав в журнале «Москвитянин» пьесу «Банкрот (Свои люди сочтёмся)», написал автору 7 апреля 1850 года из Костромы: «Ваш *Банкрот* – купеческое *Горе от ума* или, точнее сказать: купеческие *Мёртвые души*» [9, 26]. Чрезмерно плодовитый писатель XIX века П.Д. Боборыкин в 1871 году в журнале «Дело» писал: «Мы скажем без обиняков, рискуя получить упрёк в непозволительной парадоксальности, что

Островский попал в сценические писатели по колоссальному недоразумению» [2, 34].

Язык драматургии существенно отличается от языка других жанров художественной литературы. Если в прозе нарратив строится с использованием в сказуемом глаголов в прошедшем времени и в подлежащем существительных или местоимений 3-го лица в именительном падеже, а настоящее и будущее время глаголов в 1-м и 2-м лицах и соответствующие местоимения встречаются только в диалогах, то в драматургии именно перво- и вторичность глаголов является обязательным признаком текста, лингвальной осью диалогов.

А.Н. Островский, соблюдая эти закономерности построения текста пьес, революционно обновил лексико-семантическое и отчасти грамматическое наполнение драматургического языка. В его произведениях представлены не отдельные лексемы и фраземы, а весь строй народной речи, её синтаксические структуры, морфологические формы и деривационные модели, при умелом исполнении на сцене – и фонетико-интонационные особенности. По сути, язык новой драмы А.Н. Островского стал предвестником устно-письменной речи, появившейся в цифровой коммуникации последнего времени [5].

Новаторство А.Н. Островского проявилось и в выборе названий пьес. Он часто использует в библионимах русские паремии и фразеологизмы: из 54 опубликованных при жизни автора произведений 22 названия (41 %) содержат пословицы, поговорки или народные фраземы. Автор сам или по предложению редакторов иногда меняет библионим, подбирая в лексико-фразеологическом и паремиологическом фонде русского языка единицы, наиболее точно отражающие главные идеи произведения. При этом, как это часто бывает с классическими литературными текстами, используемые в качестве библионимов слова и словосочетания возвращаются обновлёнными в общенародный язык, становятся широко известными, обретают новую фреквентативность.

Пьеса А.Н. Островского «Не в свои сани не садись» стала первой, поставленной в театре. Из написанных им ранее 5 произведений (1846–1851) 4 задержались с постановкой (одно из них – «Неожиданный случай» – на 52 года), а комедия «Свои люди – сочтёмся» была запрещена [11, 180]. Пьеса «Не в свои сани не садись» была написана в 1852 году, первоначально автор её назвал «От добра добра не ищут», но уже в журнале «Москвитянин» за март 1853 года и затем в том же году в отдельном издании пьеса получила название «Не в свои сани не садись».

Новое название в целом сохранило смысл задуманного автором содержания пьесы: паремия *От добра добра не ищут* употребляется в значении 'довольствуйся тем хорошим, что у тебя есть, не ищи лучшего, ибо возможно ухудшение положения' [6/1, 770], а пословица *Не в свои сани не садись* употребляется в тех случаях, когда хотят выразить смысл 'не занимай положение, не подходящее тебе' [3, 1148]. Е.Л. Березович выявила исходную семантику паремии, которая употреблялась тогда, когда девушка или парень едут (на санях) под венец раньше старшей сестры или старшего брата. Затем пословица стала использоваться в тех случаях, когда жених или невеста выбирают себе в пару неровню [1], что и было отражено в пьесе. В современном языке паремия расширила свою семантику, перестала ассоциироваться со свадебной церемонией.

Известно, что описать семантику паремии весьма сложно. Учёные ведут многолетние споры о семантической структуре пословиц и поговорок, об их отличии друг от друга. Их выводят за пределы лексико-семантического уровня языка: «Паремия – это минимальная единица надъязыкового семиотического яруса, об-

ладающая свойствами клишированности, афористичности и сентенциозности» [15, 36]. Отмечается, что «одним из главных источников семантической (особенно денотативной) неопределённости пословицы является многоинтерпретируемость пословичного тропа» [4, 87]. Большой вклад в паремиологию внёс венгерский исследователь З. Каньо, который определил, что основу пословицы составляет особая логико-семантическая структура, которая при помощи специальных правил преобразования переводится во внешнюю синтактико-грамматическую структуру [17; 18; 19]. Неисчерпаемость как характеристику суммы семантических особенностей (одлика) пословицы выделяет Е. Йованович-Симич [16].

Столь же сложной является проблема соотношения пословиц, поговорок и фразеологизмов. Главное отличие паремий от фразем заключается в том, что первые являются коммуникативной единицей, предложением, тогда как вторые представляют собой структурную единицу, словосочетание, входящее в состав предложения. Однако и поговорки рассматриваются часто как несамостоятельные единицы. В.М. Мокиенко отмечает: «Поговорка выражает понятие, пословица – суждение. Чаще всего это суждение имеет назидательный характер, выраженный образно» [7, 5].

Многие фразеологизмы возникли в результате редукции паремий. Они могут употребляться в языке и в исходной форме как пословица или поговорка, так и в сокращённом виде в составе предложений. Ведущий российский паремиолог Е.И. Селиверстова выделяет паремиологическое пространство как систему взаимосвязанных единиц, объединяющую паремийный «реквизит»: лексику, арсенал фрагментов, или формул, – устойчивых образных или безобразных способов передачи элементов пословичного смысла, структурно-семантических моделей и пр. [12, 8]. В.М. Мокиенко видит в антиномии «устойчивость – вариантность» одно из важных противоречий фразеологии, считая, что «диалектическое единство этих двух характеристик обеспечивает и функционирование, и постоянное развитие фразеологии» [8, 10].

Неопределённость семантики паремий, их противоречивое структурное разнообразие приводит к сложным решениям при включении этих единиц в лексикографические источники. Часто в словарях просто констатируется факт отнесения единицы к пословицам или поговоркам: *Нет худа без добра* (Посл.); *Что с возу упало, то пропало* (Посл.); *Баба с возу – кобыле легче* (Посл.). Однако некоторые паремии имеют дефиниции разной степени и формы разработки: *Яблоко от яблони недалеко падает* (посл.) 'о том, кто унаследовал недостатки, пороки от отца, матери'; *Первый блин комом* (погов.) 'о неудачном начале какого-либо дела о неудачном первом опыте'; *Из-под пятницы суббота* (погов.) 'из-под верхней одежды видна нижняя'. В некоторых случаях может отсутствовать указание на тип паремии: *Око за око, зуб за зуб* 'отмщая обиды, оплачивая той же мерой за причинённое зло' (все примеры из: [3]).

При составлении Словаря донских говоров Волгоградской области мы использовали при описании паремий конструкции: *Употребляется в ситуации / в случае...; Употребляется как...; Употребляется для...* и пр. Однако в некоторых случаях к ним добавлялось дополнение *кому-л, у кого-л.* и давалась такая же дефиниция, как и у фразеологизмов: *Кишка кишке марш играет у кого-л.* 'кто-л. сильно хочет есть, очень голоден' [13, 245]. Сходное решение мы обнаруживаем и в толковых словарях: *Семь пятниц на неделе у кого-л.* 'о том, кто часто меняет свои решения' [3, 1053].

Если первые 7 пьес А.Н. Островского сразу были напечатаны, а потом появились на сцене, то «народная драма» «Не так живи, как хочется» сначала была поставлена в Малом театре в декабре 1854 года и только через 10 месяцев опубликована в журнале «Москвитянин». Драматург и этой пьесе первоначально дал паремийное название: «Божье крепко, а вражье лепко: масленица». Эта пословица имеет богатый лингвокультурный фон, опирается на христианское мировоззрение и православную лексику. Под *врагом* (рода человеческого) в православной церкви понимается дьявол, советы которого легко принимаются человеком, словно прилепляются, липнут к нему, но вера в Бога сильнее, крепче, она помогает избавиться от научений сатаны. В XIX веке эта паремия была распространённой, известной, её выбрал для своего рассказа Л.Н. Толстой, поставив в обратном порядке части пословицы [14].

Убрав эту паремию из названия, А.Н. Островский оставил её в тексте, пословицу произносит отец героя: *Вот пословица-то сбывается: «Божье-то крепко, а вражье-то лепко»*. Новое название «Не так живи, как хочется» тоже имеет паремийное происхождение, но в нём опущен третий член. Пословица тоже апеллирует к вере: *Живи не так, как хочется, а как Бог велит* [6/1, 300].

В начале того же 1854 года в Малом театре при деятельном участии самого А.Н. Островского была поставлена пьеса «Бедность не порок». И здесь автор сменил первоначальный библионим, который звучал: «Гордым Бог противится». Это был сокращённый вариант цитаты из Послания Иакова: «Гордым Бог противится, а смиренным даёт благодать» (Иак. 4: 6). Новое название было взято драматургом из известной пословицы. Вероятно, это была бродячая паремия, она известна у немцев, французов, итальянцев [6/1, 86]. В русской лингвокультуре она обрела амбивалентную оценку: а) сочувствия бедным; б) насмешливое или осуждающее отношение к беднякам: *Бедность не грех, а приводит в посмех* [там же]. В диалогах героев паремия произносится дважды, один раз в ироническом контексте.

В 1860 году в Александринском театре была поставлена пьеса А.Н. Островского «Старый друг лучше новых двух». Сборы от спектакля были переданы семье умершего артиста, одного из основоположников русского реалистического театра Александра Евстафьевича Мартынова (1816–1860). Популярная пословица употребляется в русском лингвокультуре в тех случаях, когда хотят подчеркнуть, что проверенные временем отношения ценнее и надёжнее новых, мимолётных [6/2, 314]. Правда, в пьесе речь идёт не о дружеских, а матримониальных отношениях, значение паремии несколько расширяется. На этот раз автор не вкладывает пословицу в уста героев, она используется только в качестве библионима. Обратим внимание на синтаксическую симметрию пословицы [4, 89], на рифмовку её частей, характерные для паремийных текстов. Пьеса имела подзаголовок «Картины из московской жизни», что напоминало о первом опубликованном произведении драматурга «Картины московской жизни. Картина семейного счастья» (1847), которое в театре шло под названием «Семейное счастье» (1855).

К паремийным и фразеологическим библионимам относятся также названия пьес А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1856), «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (1861), «За чем пойдёшь, то и найдёшь» (1861), «Грех да беда на кого не живёт» (1862), «На бойком месте» (1865), «На всякого мудреца довольно простоты» (1868), «Не всё коту масленица» (1871), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1871), «Правда – хорошо, а счастье лучше» (1876), «Сердце не камень» (1879), «Светит, да не греет» (1880), «Без вины виноватые» (1883), «Не от мира сего» (1884). Каждое из них убедительно доказывает новаторство

А.Н. Островского не только в выборе сюжетов, героев пьес, не только в построении драматургического текста, но и в создании уникальных библионимов, отражающих русский фольклор, лингвокультурные традиции русского народа, служащих развитию русского литературного и народного языка.

Литература

1. Березович, Е.Л. Садиться не в свои сани: этнолингвистический комментарий к фразеологизму / Е.Л. Березович // *Slavica Svetlanica: Язык и картина мира: К юбилею С.М. Толстой.* – Москва: Индрик, 2013. – С. 169–178.
2. Боборыкин, П.Д. Русский театр / П.Д. Боборыкин // *Дело.* – 1871. – №11, ноябрь. – Современное обозрение. – С. 33–53.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.
4. Крикманн, А.А. Некоторые аспекты семантической неопределённости пословицы / А.А. Крикманн // *Паремиологический сборник: Пословица. Загадка: (Структура, смысл, текст).* – Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1978. – С. 82–104.
5. Лутовинова, О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации / О.В. Лутовинова // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* – 2008. – Вып. 71. – С. 58–65.
6. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. / М.И. Михельсон. – Москва: Русские словари, 1994. – 819 + 936 с.
7. Мокиенко, В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В.М. Мокиенко. – 3-е изд., перераб. – Санкт-Петербург: Авалон; Азбука-классика, 2005. – 256 с.
8. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1989. – 287 с.
9. Писемский, А.Ф. Письма / Подготовка текста и коммент. М.К. Клемана, А.П. Могилянского; ред. Н.Г. Свириной / А.Ф. Писемский. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 925 с.
10. Погодин, М.П. Московские празднества в честь севастопольских моряков / М.П. Погодин // *Морской сборник.* – 1856. – Т. XXII. – №7, май. – Часть неофициальная. – С. 291–350.
11. Ревякин, А.И. А.Н. Островский и Д.А. Горев (к творческой истории комедии «Свои люди – сочтёмся») / А.И. Ревякин // *Русская литература.* – 1963. – №4. – С. 180–196.
12. Селиверстова, Е.И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность: (лингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Е.И. Селиверстова; СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2010. – 47 с.
13. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с.
14. Толстой, Л.Н. Вражье лепко, а божье крепко / Л.Н. Толстой // *Он же. Собрание сочинений в 22 т.* – Т. 10. – Москва: Худ. лит-ра, 1982. – С. 273–275.
15. Черкасский, М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) / М.А. Черкасский // *Паремиологический сборник: Пословица. Загадка: (Структура, смысл, текст).* – Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1978. – С. 35–52.
16. Јовановић Симић, Ј. Нека питања теорије о пословицама / Ј. Јовановић Симић // *Узданица: Часопис за језик, књижевност, уметност и педагошке науке. Нова серија.* – 2011. – Год. VIII. – Бр. 2, новембар. – С. 25–47.
17. Kanyó, Z. Zur Theorie der «einfachen Formen» – Sprichwörter: Eine semiotisch-literaturtheoretische Untersuchung. *Kand. értek / Z. Kanyó.* – Szeged, 1973. – 576 ol.
18. Kanyó, Z. Sprichwörter: Analyse einer Einfachen Form: Ein Beitrag zur generativen Poetik / Z. Kanyó. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1981. – 309 ol.
19. Kanyó, Z. Sprichwörter: Analyse einer einfachen Form: ein Beitrag zur generativen Poetik / Z. Kanyó. – The Hague; Paris; New York: Mouton, 1981. – 309 p. (Approaches to Semiotics. Vol. 62).

Источники

1. Островский, А.Н. Полное собрание сочинений в 12 томах / под общ. ред. Г. И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина, В.И. Маликова, П.А. Маркова, А.Д. Салынского, Е.Г. Холодова / А.Н. Островский. – Москва: Искусство, 1973–1978.